

АЛЬБЕРТ СЕРЯКОВ

“ОТЕЦ СМОТРИТ НА МЕНЯ...”

Рассказ сына фронтовика

С чего начать мне свой рассказ об отце... Сейчас, когда и сам я уже нахожусь в глубоко пенсионном возрасте, мне даже как-то странно представить себе, что моему отцу, а родился он в 1914 году, когда он уходил на фронт в 41-м, было всего 27 лет. А он мне тогда казался таким большим, таким взрослым, таким могучим человеком. Помню тихий стук в кухонное окошко нашего скромного маленького домика на окраине Вологды, где тогда жила наша семья, помню фигуру отца в солдатской шинели, он вырвался на минутку со сборного пункта перед отправкой на фронт, чтобы проститься с родными. Странно, но запомнился мне тогда из нашей с ним последней встречи только его взгляд... Он долго, долго смотрел на меня... И вот прошло уже почти семьдесят лет, а мне кажется, отец всё смотрит, смотрит на меня... Больше я его никогда не видел.

Что я знаю об отце? – Немного. Родился он, как я уже и писал, в 1914 году в крестьянской семье в деревне Боровой, ныне Бор, Коношского района Архангельской области. А до революции это была Тавреньгская волость – места глухие, лесные. Звали его Иван Фёдорович Онучин, но когда я наводил справки об отце и, в частности, попалась мне местная районная коношская газета “Ударник леса” за 1935 год, то я узнал из неё, что отец работал в то время пекарем в местной пекарни, работал уже пять лет с 1930 года, значит, с 16 лет, и назван он был в газете Анучиным – ошибка вышла, впрочем, не удивительная, у нас полдеревни были Онучины, а полдеревни – Анучины. Обычное дело на Руси. В заметке той отца хвалили за ударную работу, за хорошее качество хлеба, за высокий припёк. “Брака в своей работе не знаю”, – гордо говорит отец, а с серенького газетного портрета смотрит на меня молодой, но очень серьёзный человек – в кепочке, при галстукe, в дешёвеньком пиджачишке. А взгляд цепкий, буравящий, пристальный, даже настороженный. Неудивительно. Суровое было время – за каждое слово нужно было отвечать.

Вот так же пристально, но только с теплотой отец и смотрел на меня в последнюю нашу встречу. Что я успел тогда ему сказать? – “Здравствуй, папа!” – А он мне: “Прощай, сынок!” – только и всего. Да вот эта фотография и взгляд его, словно вопрошающий – вот и всё, что осталось у меня от отца. Нет, не всё!

Осталась ещё “похоронка” – клочок бумаги из Вологодского горвоенкомата от 22 октября 1943 года, присланная моей маме, где значилось: “Ваш муж ком. отд. сержант Онучин Иван Фёдорович, уроженец... в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 11 апр. 1943 г. Похоронен с. Отрадное Всеволожского р-на Ленинградской области”. – Важная это была бумага – по ней, как там было сказано

в приписке, можно было возбудить ходатайство о пенсии для вдовы фронтовика, согласно приказу Народного комиссариата обороны. “Социалистическая Родина” не бросала без помощи семьи погибших солдат. Как могло, советское государство помогало обездоленным.

Нетрудно мне было установить, что отец сражался и погиб на Ленинградском фронте, что был он командиром отделения, сержантом – а на фронте сержанта и командира за просто так не дают – значит, хороший был солдат, исправный и волевой.

В семидесятые годы прошлого века, будучи уже взрослым человеком, я предпринял поиски могилы моего отца. Так и оказался на берегах Невы у места впадения в неё небольшой речушки Тосна. Искал я могилу одного своего отца, а обнаружил обелиск, поставленный на месте гибели... 1731 бойца Красной Армии! – и это только известные имена. А сколько неизвестных, пропавших без вести... В Книге памяти Отрадненского горисполкома Ленинградской области под № 1016 значился сержант Онучин И. Ф. Отец... Какая же здесь шла мясорубка! Тяжелейшие бои развернулись здесь 19–25 августа 1942 года. Немцы предприняли ещё одну попытку овладеть Ленинградом, и тогда командование Ленинградского фронта двинуло наши войска в контрнаступление. Это была знаменитая Усть-Тосненская наступательная операция. Ценой невероятных потерь удалось закрепиться на южном берегу реки Невы и отбить здесь у врага небольшой плацдарм, который вошёл в историю под названием “Ивановский пяточок” – сродни знаменитому “Невскому пяточку”, который расположен невдалеке. Ныне это район города Отрадное. В тех боях участвовал и мой отец, но погиб он не тогда, а позже – в апреле 1943 года.

И вот я иду по мосту через реку Тосну и вижу величественный мемориальный комплекс на северном берегу Невы (ширина реки здесь – до двух километров!). А после вижу и тот обелиск – при впадении Тосны в Неву. Надпись на нём: “В память ожесточённых боёв 19–25 августа 1942 г. В эти дни был нанесён сокрушительный удар по немецко-фашистским захватчикам и заняты важнейшие рубежи...”

Стоял я у обелиска, склонив голову, слёзы туманили глаза. Шумели рядом с оградой старые тополя. Тополя – живучие деревья. И подумалось мне тогда, что вот и наша страна Россия, она вроде тополя – сколько её рубили, а она живёт и вновь растёт, поднимается к небу. И чтобы не погибла Россия – надо нам помнить своих отцов, их славу и боль.

Побывав на месте, где сражался мой отец, я не прекратил розыски каких-либо сведений о нём и о фронтовой его жизни. Ведь не погиб же он в тех страшных боях августа 1942 года, ещё воевал восемь месяцев пулемётчик Иван Онучин, привелось ему увидеть и прорыв блокады Ленинграда в январе 1943 года. Сколько жизней наших солдат было положено ради этого великого дела, но положено было не зря.

В зиму 1942–43 гг. мой отец служил в 74-м отдельном пулемётно-артиллерийском дивизионе 16-го укрепленного района, позиции которого обороняла 67-я армия (командующий генерал-майор Духанов М. П.). Это та самая армия, которая обороняла и “Невский пяточок” и участвовала в прорыве блокады Ленинграда в январе 43-го. У меня сохранился текст приказа по 16-му укрепленному району, выпущенного к Дню Красной Армии 23 февраля 1943 года. Представляю себе, как в этот праздничный день перед строем войск, где стоит и мой отец, звучат торжественные слова: “... На части нашего 16-УК выпала почётная задача по защите рубежей города Ленина – кыбели Великой Октябрьской революции. Это требует от каждого из нас: от командира до бойца – повседневной твёрдой дисциплины, повседневного совершенствования в овладении военной техникой, проявления героизма, отваги и мужества... Да здравствует Красная Армия, героически борющаяся за честь, свободу и независимость нашего Отечества! Да здравствует победа англо-советско-американского боевого союза над подлыми врагами человечества – фашистскими поработителями! Да здравствует Всесоюзная коммунистическая партия большевиков и её вождь и организатор побед над фашистскими захватчиками тов. Сталин!”

А как жили наши бойцы в перерывах между боями? – Это ведь тоже заслуживающая внимания и часто забываемая страница войны. У меня в руках интереснейший документ: “Распорядок дня по 74-му отдельному пулемётно-артиллерийскому батальону на январь 1943 года”.

Итак:

“Несение службы и оборонительные работы – с 21-00 до 5-00.

Чистка оружия – с 5-00 до 6-00.

Завтрак – с 6-00 до 7-00.

Отдых (6 часов! – **Прим. авт.**) – с 7-00 до 13-00.

Подъём – с 13-00 до 13-10.

Туалет – с 13-10 до 13-30.

Утренний осмотр – с 13-30 до 14-00.

Обед – с 14-00 до 15-00.

Политинформация – с 15-00 до 15-30.

Занятия – с 15-30 до 18-30.

Ужин – с 18-30 до 19-00.

Занятия – с 19-00 до 20-40.

Вечерняя поверка – с 20-40 до 21-00.

Несение службы и оборонительные работы – с 21-00 до 5-00”.

Удивительно мирным кажется этот “Распорядок”, но последняя графа – “Несение службы и оборонительные работы – с 21-00 до 5-00” – всю ночь могли продолжаться эти работы! – заставляет задуматься, почему так много отдыхали днём. Да и отдыхали ли?..

Весной 1943 года на Невском оборонительном рубеже вновь начались тяжёлые бои. И вот передо мной последний документ “Донесение о безвозвратных потерях личного состава. № 1 Именного списка. Онучин Иван Фёдорович, сержант, командир пулемётного отделения, беспартийный, призван Молотовским РВК Архангельской области. 11.4.43 г. убит осколком снаряда противника... похоронен – Дивкладбище (дивизионное кладбище) 70-го ОЛСД (ныне – 45-я Гвардейская дивизия) в районе с. Отрадное Всеволожского района Ленинградской области. Всего в списке – 9 человек (потери)”...

Шумят, отец, над твоей могилой тополя! И вечно будут шуметь, пока стоит Россия, пока течёт Нева, пока ты смотришь на меня через годы, уже из прошлого тысячелетия, из вечности.